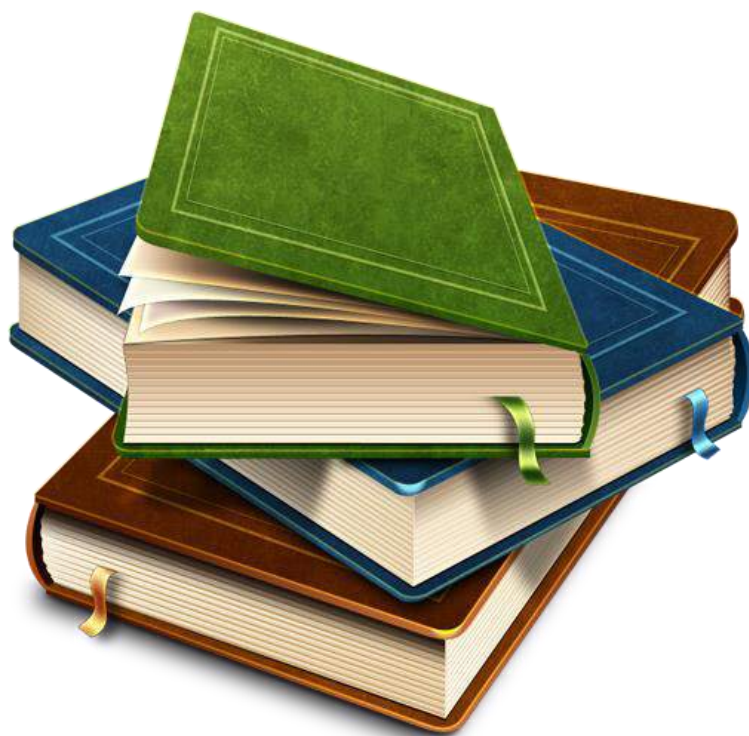

«Рекомендуем прочитать!»

/Рекомендательный список литературы/

п.Каменоломни, 2017 г.

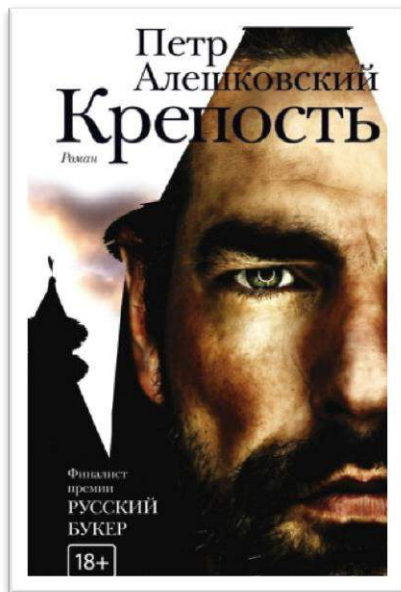
Уважаемые пользователи!

Предлагаем Вам ознакомиться с рекомендательным списком литературы «Рекомендуем прочитать!», в котором отражены книги, вышедшие за последние три года.

Рекомендуемые издания являются лучшими образцами современной русской литературы, написанные хорошим русским языком, книги о героях, которые можно ставить в пример, это книги об интересных историях, которые можно пересказывать!

Надеемся, что данное издание будет интересно и полезно широкому кругу пользователей!

Пётр Алешковский, «Крепость»

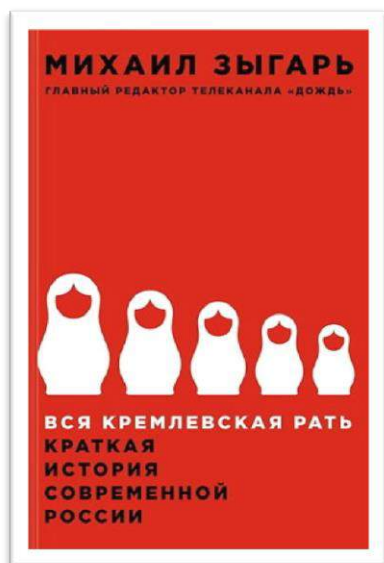

Большой русский роман с внятным сюжетом и разноплановыми героями, некоторые из них не только пьют, но и работают, да ещё написан красивым русским языком со всяческими метафорами, это ли не подарок. Понравится тем, кто с удовольствием прочитал роман «Лавр» Евгения Водолазкина.

Книга «Крепость» не о перестройке или советских временах, на которых зациклились современные русские писатели, а о нашем времени; не про ГУЛАГ или тюрьму, как можно ошибочно заключить из названия, а про археологические раскопки и научные изыскания, связанные с одним памятником архитектуры. С одной стороны, главный герой тут тоже памятник архитектуры: непоколебимый правдоискатель, ум, честь и совесть; с другой стороны, этот герой живёт с не самым приятным девизом: «все — (недостойные), а я — д`Артаньян», который отдаёт если не тиной болотной, то гордыней уж точно, что никак не сочетается с желанием автора возвести героя в ранг святых. Но даже если общая идея книги не покажется близкой, а герой — героем, есть несколько причин прочитать этот крепкий роман: дачники, деревенские люди и те, кто живёт «на земле», треть книги будут как рыба в воде, вставки о татаро-монгольском иге считываются как фильм «Монгол» Сергея Бодрова в прозе, очень содержательно и аутентично.

А русский язык в книге такой образный, что дух захватывает: «Некто огромными лапищами накрыл его плечи и затряс, словно ящик с гвоздями, чтобы маленькие, утонув, выдавили искомые крупные на поверхность, отчего все кости и хрящики тела, все рёбра бултыхнулись внутри, словно крепились к позвоночному столбу на верёвочках».

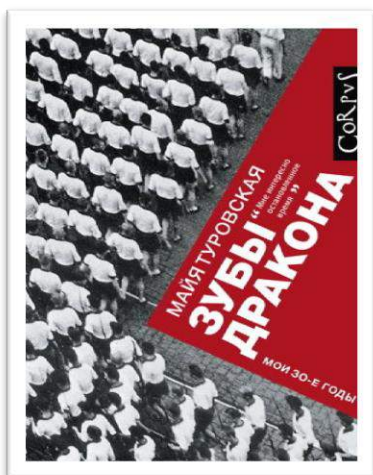
Михаил Зыгарь, «Вся кремлёвская рать. Краткая история современной России»

Книга «Вся кремлёвская рать» подходит одновременно и тем, кто интересуется политикой, и тем, кто в ней совершенно не разбирается: этот краткий курс истории современной России позволит легко закрыть пробелы в знаниях или свериться с той картиной мира, которую предлагает автор. Важное уточнение: книгу стоит читать только тем, у кого нет аллергии на телеканал «Дождь», поскольку автор – главный редактор этого телеканала. На самом деле, текст без особых перегибов и залихватских предположений, изложенная история – результат многолетнего сбора и анализа информации по долгу службы, результат настолько же естественный и закономерный, как если бы известный кулинар издал книгу рецептов.

Основной фокус интереса автора – путинская Россия, но разматывать клубок истории Зыгарь начинает со времён Андропова и других советских политических деятелей. Позже ещё живой Березовский соседствует на страницах с деятельным Ходорковским, Лужков получает кресло мэра, а Примаков – почётную синектуру, в общем, знакомые всё лица. Мелькают страницы, люди, события: вот Норд-Ост и Анна Политковская, а вот уже Украина и санкции. Восстановлена достаточно полная хронология самых значимых политических событий современности, занимательное и увлекательное чтение.

«Зубы дракона. Мои 30-е годы» с Гитлером и Сталиным

Майя Туровская — один из сценаристов фильма «Обыкновенный фашизм», который снял в 1965-м знаменитый иркутянин Михаил Ромм. Туровская – автор многочисленных монографий, лауреат премии «Ника» в номинации «За вклад в кинематографические науки, критику». В книге «Зубы дракона» объектом её критики становится Советский Союз.

Книга состоит из трёх частей, в каждой из них – подробности о социальной жизни, международных

отношениях и кинематографе трёх стран: СССР, Германии, США. Голливудские фильмы, трофейные киноленты, советские лидеры кинопроката, — обо всём этом Майя Туровская может говорить часами. Родилась она в 1924 году, с 1992 года в эмиграции, переехала в Мюнхен: это накладывает отпечаток на стиль речи, в тексте изрядное количество устаревших слов, но вот воспоминания живее всех живых, поэтому первая половина книги читается на одном дыхании. Между делом узнаёшь много интересных деталей: выясняется, что немецкая Энне Бурда сделала после войны карьеру на выкройках для перешивания платья, а глава про анекдоты, где говорится о «приёмах языкового сопротивления» и «деформации прецедентных текстов» даёт возможность посмотреть на ситуацию в стране с филологической стороны.

Вне зависимости от точки зрения очевидцев, всегда важно выслушать их всех. Здесь всё написано по памяти, это не учебник и не манифест: воспоминания, и только. После рассказа о голоде яснее всего понимаешь, почему феномен дачи получил у нас такое широкое распространение, а каждый крупный город был в итоге окружён кольцом огородничества. После фразы «Из раскулаченных оседали в городах домработницы, без которых нельзя представить себе быт 30-х» наконец-то приходит понимание, с какой стати вообще появлялись домработницы в советских городских семьях первой половины прошлого века: это всё мощные процессы миграции в огромном плавильном котле.

В книге много иллюстративного материала, есть и плакаты, и фотографии, и рисунки, и шаржи, и сканы газет. Обращают на себя внимание заголовки, ведь почти в каждом видишь знакомую цитату. Из главы «На фоне Пушкина, или Юбилей во время чумы» хотелось бы процитировать краткое, чтобы дать возможность почувствовать стиль автора: «В год Большого террора, 1937-й, судьба послала советской власти очень нужный ей стопроцентный юбилей: столетний. С лёгким веянием макабра: всенародно праздновать предстояло смерть поэта».

Во второй части книги Майя Туровская лихо запараллелила два режима: «Жизнь и сама подчас предлагает каламбуры и рифмы, не дожидаясь, пока кто-нибудь их за неё придумает. Сталинская «пяtilетка» и гитлеровская «четырёхлетка» (Vierjährigesplan). Советские «ударники» и нацистские «заслуженные аботники» (Verdiente Arbeiter). «Передовое социалистическое предприятие» и «образцовое национал-социалистическое предприятие» (Nationalsozialistische Musterbetrieb) – всего не перечислить». В чём-то системы одинаковы, в чём-то подобны, а в чём-то асимметричны, пишет Туровская, продолжая разбор.

Хотя вряд ли можно написать о диктатуре что-то мощнее сказки Евгения Шварца «Дракон», по которой Марк Захаров снял уже в относительно спокойные годы почти дословную экранизацию «Убить дракона» с Олегом Янковским, Евгением Леоновым и Александром Абдуловым, всё же никакое дополнительное свидетельство одного из выживших «аргонавтов» (ведь именно они попали в историю с зубами дракона) – не лишнее. Три сотни сносок, среди них ссылки на Российский государственный архив и иностранную прессу, — достаточная причина считать книгу достойной внимания, а подробности о съёмочном процессе таких знаменитых картин, как «Волга-Волга» дополнительно подогревают интерес. А ведь у нас чуть было не появился собственный киногород на юге страны, смогли ведь построить наукоград Новосибирск, вот и отечественным Голливудом обзавестись был шанс. Но охота на врагов народа оказалась важнее этой идеи. Что ещё оказалось важнее? Читаем у Майи Туровской.

Е. Чижов - "Перевод с подстрочника" (2013 г.)

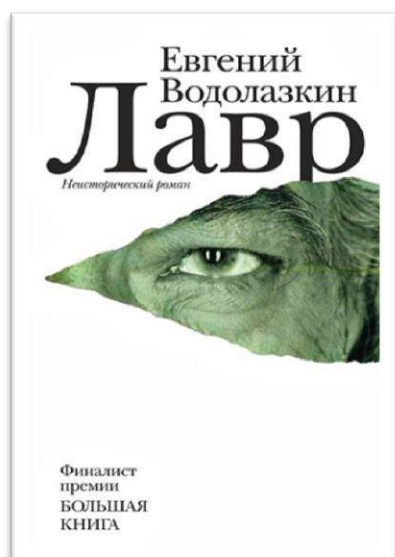
Чижов придумал интересную схему: построил миниатюрную модель СССР, среднеазиатскую республику (одна штука) и практически на пальцах показал, что было бы, не случись перестройки. Сначала, конечно, гостеприимный край, изобилие и причёсанные лужайки, вот уже хочется «врасти в эту щедрую землю». Но после картины видимого благополучия, сразу за витриной обнаруживается неприглядное: сначала культ личности в полный рост («премия имени Гулимова во дворце культуры имени Гулимова за перевод стихов Гулимова»): голимый Сталин (или подставьте другое

произвольное имя вождя). Затем другие звоночки: психушка в качестве средства избавления от неудобных, ночной «воронок», специальные поселения для семей государственных преступников, всего и не перечислишь.

И главный герой, Печигин, вроде бы и лежать ему на печи, а он всё скачет Печориным, но пичуга он мелкая, не центральная у Чижова. В центре – страна хлопкоробов, идеологически-выверенные газеты и телевидение, Народный Вожатый во главе всего и автор всего, даже инженерных чертежей основных строек. Узнаваемо всё, вплоть до фотографии в газете, где Народный Вожатый берёт букет цветов из рук школьницы с двумя огромными бантами. Здесь невнятный тип, никакой не поэт и не переводчик Печигин одним росчерком пера становится автором книг с миллионными тиражами, как же иначе, ведь кого попало не пригласят в Коштырбастан переводить стихи Народного Вожатого. И переводит. А Чижов переводит нам: вот он, оригинал, был у вас перед глазами, а я вам подстрочник даю, всё слово в слово.

Выдуманная страна смотрится настолько же реальной, как мифы о былом величии. Здесь роль женщины – исполнять волю мужчины, роль мужчины – исполнять волю партии, роль партии – исполнять волю Вожатого. А король-то голый.

Евгений Водолазкин - "Лавр" (2013 г.)

Пожалуй, «Лавр» - самая достойная книга из всего, что написано российскими авторами и издано в последнее время. За современную русскую литературу каждый раз страшно приниматься, от неё не ждёшь ничего хорошего, а за вычетом Улицкой и Рубиной нет практически ничего, что можно было бы читать без филологической и психологической поддержки. Кто пишет хорошим русским языком, не уступая Довлатову или Набокову? Кто пишет интересные истории, которые можно пересказать? Кто достаточно умён, чтобы не умничать? Кто пишет о героях, которых можно ставить в пример? Вокруг одни только спивающиеся географы да мнимые крестьяне с бездельниками-тинейджерами. И вот в момент, когда от современной русской литературы уже и не ждёшь ничего хорошего, появляется «Лавр» Евгения Водолазкина. Эту книгу не стыдно посоветовать старшим, настолько она хороша.

Пока Водолазкин рассказывает эту историю одного человека от рождения до самой смерти, читатель видит то деревенского знахаря, то семьянина, то монаха-отшельника, то Афанасия Никитина, ходившего за три моря, а в конце Лавр так и

вовсе походит на земного отца Иисуса Христа. С каждым новым поворотом судьбы главный герой обретает новое имя, его характер развивается – вот он ещё мальчишка, собирающий травы, а вот принял обет молчания. В какой-то момент средневековая Русь даже обернётся «Именем розы» Умберто Эко, проскользнёт тень монашка Адсона. Иногда автор шутит, это прекрасно. Многие говорят, что вся книга напоминает житие святого, что не совсем верно. Жития святых обычно исключительно лаконичны: принял постриг, совершал богоугодное, преставился. Здесь же – путь человека, с ошибками и невзгодами. История врача. Читая «Лавра», можно случайно узнать всё про загадочную русскую душу и закрыть книгу с лёгким сердцем и светлой головой.

"В принципе, ответил старец, мне нечего тебе сказать. Разве что: живи, друже, поближе к кладбищу, ты такой дылда, что нести тебя будет тяжело".

Большой русский роман с внятным сюжетом и разноплановыми героями, некоторые из них не только пьют, но и работают, да ещё написан красивым русским языком со всяческими метафорами, это ли не подарок. Понравится тем, кто с удовольствием прочитал роман «Лавр» Евгения Водолазкина.

Книга «Крепость» не о перестройке или советских временах, на которых зациклились современные русские писатели, а о нашем времени; не про ГУЛАГ или тюрьму, как можно ошибочно заключить из названия, а про археологические раскопки и научные изыскания, связанные с одним памятником архитектуры. С одной стороны, главный герой тут тоже памятник архитектуры: непоколебимый правдоискатель, ум, честь и совесть; с другой стороны, этот герой живёт с не самым приятным девизом: «все —(недостойные), а я – д`Артаньян», который отдаёт если не тиной болотной, то гордыней уж точно, что никак не сочетается с желанием автора возвести героя в ранг святых. Но даже если общая идея книги не покажется близкой, а герой – героем, есть несколько причин прочитать этот крепкий роман: дачники, деревенские люди и те, кто живёт «на земле», треть книги будут как рыба в воде, вставки о татаро-монгольском иге считываются как фильм «Монгол» Сергея Бодрова в прозе, очень содержательно и аутентично.

А русский язык в книге такой образный, что дух захватывает: «Некто огромными лапищами накрыл его плечи и затряс, словно ящик с гвоздями, чтобы маленькие, утонув, выдавили искомые крупные на поверхность, отчего все кости и хрящики тела, все рёбра бултыхнулись внутри, словно крепились к позвоночному столбу на верёвочках».

Владимир Сорокин - "Теллурия" (2013 г.)

Владимир Сорокин написал симфонию. Каждый инструмент звучит своим голосом, по отдельности некоторые и слушать не будут (кому нужны одни тарелки?), публикации таких фрагментов до выхода книги вызвали недоумение, а вот вместе получается музыка. Ещё можно сравнить с шахматной партией, причём вместо доски – лоскутное одеяло, а фигуры – это его коллеги по цеху: вот стилизация под «Кысь» Татьяны Толстой, вот абсолютный Пелевин (упомянутый в тексте Виктор Олегович в ту же кассу), и так – до бесконечности. Сорокин с лёгкостью меняет маски, говорит на разных языках, рисует чужими кистями подделки шедевров, которые в итоге не отличить от оригинала. И смеётся, смеётся, смеётся. Перерисовывая чужие художественные стили, он будто говорит «смотрите, как это легко, я тоже так могу, так каждый может, а вот попробуйте, как я». Сводит воедино все эти писательские голоса: дребезжащие, сонные, нудные, пошлые, звонкие, резкие, чёткие, тихие, громкие, превращая в симфонию, возвышаясь дирижёром над всеми, демиургом.

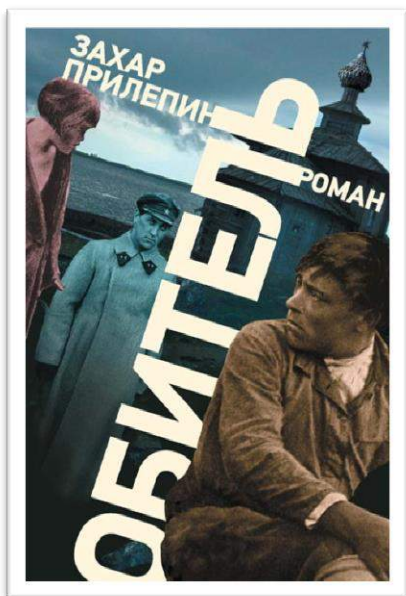
Посмотрите историю книжного ажиотажа 2013 года, всего три книги вызвали какой-то совершенно нездоровый интерес: «Случайная вакансия» Роулинг, «Бэтман Аполло» Пелевина и «Теллурия» Сорокина. Все три книги предварялись публикациями отрывков неизданного, многочисленными интервью с авторами, предвкушением читателей и жаркими спорами. Однажды (при всей условности «однажды») у этих авторов получилось, их стрелы попали в цель с рекордного расстояния, теперь при каждой новой попытке одни зрители будут ждать шанса затянуть визгливо «Акела промахнулся, Акела промахнулся!», а другие будут изучать с максимально возможным приближением, как у них это вышло. А поизучать в «Теллурии» есть что. Тем, кто предпочитает нюхать розы под сенью девушек в цвету, лучше возвращаться к одобренной поколениями цензоров классике с дежурным набором красотостей. «Теллурия» – авгиевы конюшни современности, они смердят навозом, который нужно вычистить, а не делать вид, что ничего не происходит. Когда у Сорокина в тексте мелькает «На ночь брала подработку, месила для китайцев умное тесто» в исповеди простой русской бабы, – понимаешь, что это сейчас китайцы часто в роли гастарбайтеров и жителей гетто, но и с их неутомимостью и трудолюбием они не остановятся, пока не собьют под лапками твёрдое масло, в то время как пассивный россиянин уйдёт в молоко. Москву сровняют с землёй и проспекты засадят картошкой, а Иркутск капитулирует перед новым главнокомандующим, который идёт на Восток: вот что смотрит со страниц «Теллурии», оскаливается пропастью после раскола страны,

подёрнув паутиной трещин политическую карту.

Владимир Сорокин рассказывает десятками разных способов – через стимпанк, киберпанк, «особенности национальной охоты», «игру престолов», воинствующий сталинизм и развращённый монархизм: прогнило что-то в Датском королевстве. И разговор врача с пациентом «купишь мне гвоздик теллуrowый – будет тебе нога» – из той же серии. Среди принципов сочинения рекламы есть один показательный момент: человек услышит и сможет воспринять только то, что сказано обычными для его языка фразами. Кажется, будто Сорокин подстраивается под десятки стилей общения, жаргонов и сленгов, чтобы донести горсточку важных мыслей через историю о новом Клондайке – Демократической Республике Теллурия, провозглашённой 17 января 2028 года вместо провинции Алтай (а дата-то какая!), месторождении драгоценного металла, которым забиты все головы. Натурально – гвоздиком в голову, плотник молотом. Есть в этом что-то ветхозаветное, что-то от Матрицы и от Советского союза. Есть в этом что-то.

"Помимо скотоводства, экспорта теллура и других редкоземельных металлов основным доходом теллурийцев является так называемая теллурийское хилерство <...> Теллурия – единственная страна в мире, где теллуrowые клинья не признаны наркотиком".

Захар Прилепин - "Обитель" (2014 г.)

Захар Прилепин с его новым романом «Обитель» – не только яркое событие отечественной литературы, но и один из основных претендентов на премию «Большая книга» этого года. На одном уровне с ним «Теллурия» Сорокина и «Перевод с подстрочника» Чижова – большие, заметные книги. Серьёзные, сильные. Все три книги – на историко-социальные темы: есть место диктату, отношениям власти и общества, государственным масштабам проблем. Каждая из этих трёх книг – огромная удача для русской литературы, для современной русской литературы, которая – так уж получилось – в целом худовата и простовата. Но не «Теллурия», «Обитель» и «Перевод с подстрочника», – они как авианосцы среди остальных судов литературной флотилии.

Причём Захар Прилепин замахнулся на тему, в которой есть уже признанные лидеры, классики; писать на лагерную тематику после Александра Солженицына и Варлама Шаламова – это сильно, и нужно иметь огромный атомный заряд, чтобы

тягаться с такими гигантами на их поле. И такой заряд у Прилепина есть. У него получилось написать про ГУЛаг и Соловки, Соловецкий монастырь, так, что мёртвые встают из могил как живые. Все эти ходячие мертвецы – это живая история, мрачное прошлое, контраст которого подвыцвел за те годы, что тома «Архипелага ГУЛага» и «Колымских рассказов» бронзовели на книжной полке.

И тут Прилепин. Рубит лёд прошлого и бросает нас в чёрную прорубь. Холод пробирает до костей, реальность ошеломляет. Мы переносимся на Соловки. Картошка с треской здесь весит больше, чем совесть, а клопы наглядней ада. Дурная, на износ работа забивает человека в землю по самую глотку. Нужно принимать сложные решения, чтобы выжить: «Не показывай душу. Не показывай характер. Не пытайся быть сильным - лучше будь незаметным. Не груби. Таись. Терпи. Не жалуйся...». Захар Прилепин не просто даёт какой-то сюжет, выбирает исторический период и перемещает главных героев, он создаёт литературу высшей пробы, в которой люди говорят разными голосами, а история оживает.

У Прилепина около дюжины литературных премий, среди которых «Русский Букер» и «Русский Букер десятилетия», «Национальный бестселлер» и «Супер Нацбест», «Лучшая иностранная книга» Всекитайской международной литературной премии, премия имени Льва Толстого и «Роман-газеты». И никто не будет против, если «Большую книгу» нынешнего года ему отдадут за «Обитель».

«Сначала мы угодили в Советскую республику. Этого показалось мало, и нас спрятали в Соловки. Но и Соловки оказались недостаточны для Моисея Соломоновича – и внутри нашли ещё более надёжную тюрьму, эту камеру».